

Шулакова Тамара Васильевна,
кандидат искусствоведения
(Псков)

«ПОСВЯЩЕНИЕ ДОВМОНТУ ПСКОВСКОМУ».
АЛЬБОМ ГРАВЮР ВЛАДИМИРА БЕРДЫШЕВА
К ИСТОРИЧЕСКОМУ РОМАНУ ТИМОФЕЯ РАХМАНИНА
«СКАЗАНИЕ О ЗАБЫТОМ КНЯЗЕ»

*«Гордиться славою своих предков не
только можно, но и должно; не ува-
жать оной есть постыдное малодушие».*

А. С. Пушкин¹

В 2016 году Псков отметил Год Довмонта. Среди множества городских мероприятий, посвященных великому герою, легендарному князю, защитнику Псковской земли, главными явились, на наш взгляд, три важных художественно-значимых события:

1. Уникальнейший вернисаж «одного дня» фотографий фресок Довмонтова города, что уже полвека хранятся в особом фондохранилище Эрмитажа, неведомые псковичам.

Напомним, что раскопками археологов с 1962 г. обнаружился целый город фресок – своеобразные ***Псковские Помпеи XIV века.*** Снятые со стен и извлеченные из завалов культурного слоя, фрески Довмонтова города отреставрированы и вошли в блистательную коллекцию русского отдела Эрмитажа. Эти фре-

¹ Пушкин А. С. Отрывки из писем, мысли и замечания, 1827.

ски – истинно псковские, «говорят на псковском языке», свидетельствуют о становлении архитектурной и живописной школы вольного города. «Из... двадцати возведенных во второй половине XIV века церквей половина оказывается сосредоточенной на крошечной территории Довмонта города»². На Руси «нигде не было места, подобного псковскому Довмонтову городу, и никакие аналогии не помогут представить себе его вид в XV-XVII веках. Только бродя между раскопанными основаниями его храмов, представляя их в первоначальном виде, в тесном окружении кладбищенских часовен, оград, ворот, мысленно группируя вокруг них другие храмы с их буями, деревянные избы и ограды, каменные гридницы с их крыльцами и дворами, можно приближенно вообразить себе эту удивительную картину»³.

Тайны Довмонта города открывались постепенно. В середине XX века это были руины и холмы, поросшие травой. «Псковские Помпеи» раскапывались в течение десятилетий археологической экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством Г. П. Гроздилова и В. Д. Белецкого. За 32 полевых сезона были обнаружены, раскрыты и зафиксированы остатки 18 храмов, в девяти из них найдены фрески; особенно значительны находки в **ц. Николы с Гребли** и **ц. Покрова Богородицы** (по атрибуции В. Д. Белецкого)⁴. Только в церкви Покрова археологи сняли со стен 150 кв. метров живописи, не говоря уже о фрагментах стенописи, в обилии извлеченных из завалов. После большой, прекрасно проделанной работы по реставрации (под руководством Е. Г. Шейниной) в Эрмитаже с успехом прошла выставка фресок Довмонта города. Было бы справедливо, чтобы хотя бы часть их вернулась в родной город. Об этом мечтал Василий Дмитриевич Белецкий, автор открытий и Почетный гражданин Пскова, чью волю мы не исполнили. О том же не раз

² Комеч А. И. Каменная летопись Пскова XII – начала XVI в. М., 1993. С. 105.

³ Спегальский Ю. П. Псков. Л., 1978. С. 103.

⁴ По сегодняшней, более принятой атрибуции – цц. Св. Софии (?) и Рождества Христова (?). См.: Лифшиц Л. И. Очерки истории живописи древнего Пскова. Середина XIII – начало XV века : становление местной художественной традиции. М., 2004. С. 343.

говорила и писала замечательный искусствовед Елена Николаевна Морозкина⁵, человек большого обаяния и чистоты, поэт и исследователь псковской древности. Каким бесценным украшением стали бы оригиналы из Довмонтова города в Музее фрески, если бы составили ядро и золотой фонд коллекции! От XIV века и в Европе, и на Руси сохранилось весьма немногое. Масштабы находок в Довмонтовом городе указывают на работу псковских артелей. Количество и, конечно, качество живописи служат подтверждением того, что **к концу XIV века в Пскове сформировалась своя самобытная школа монументального искусства, также как и школа архитектуры**. Даже имя одного из художников этой школы сохранилось – случай редкий и многозначный. «Влас» – подписался он в откосе окна, украсив его чудным, свободным растительным узором...

II. Появление замечательного исторического романа Тимофея Рахманина «Сказание о забытом князе. "Не терпя обидим быти"». Трёхтомная эпопея, сочиненная с опорой на летописи, так ярко и увлекательно описывает Псков XIII века, псковичей и их любимейшего князя Довмонта, что уже стала своеобразным бестселлером в Пскове (как не вспомнить слова А. И. Герцена, что об истории подчас лучше пишут романисты)...

III. Открытие в Псковской областной универсальной научной библиотеке выставки гравюр Владимира Бердышева⁶ «Посвящение Довмонту Псковскому», что изначально задумывались как иллюстрации к книге «Сказание о забытом князе» – и мощно переросли эти рамки.

⁵ Здесь автор позволяет себе сослаться на личные впечатления от встреч и бесед как с Еленой Николаевной Морозкиной, так и с Василием Дмитриевичем Белецким.

⁶ Бердышев Владимир Валентинович (1958-2017) – член Союза художников России и Международной ассоциации изобразительных искусств – АИАП ЮНЕСКО, постоянный участник всероссийских, зональных, областных, городских выставок, его работы находятся в частных коллекциях России, Канады, Германии, Франции, Алжира, США и других стран.

Сам автор романа Анатолий Михайлович Рахматуллин (псевдоним – Тимофей Рахманин) подчеркнул, что картины Владимира Валентиновича Бердышева прекрасно иллюстрируют текст, их можно рассматривать как самостоятельные произведения.

Его слова были услышаны: многие посетители выставки, имевшей большой успех, оставили отзывы, в которых псковичи предлагали автору отдельно издать замечательные гравюры.

Владимир Валентинович Бердышев около выставки гравюр «Посвящение Довмонту Псковскому» на Шестых чтениях «Кирилло-Методиевские традиции в Пскове» 24 мая 2017 г. Фото И. Андреевой

Так родился *четвертый художественный проект – это настоящий альбом иллюстраций к роману*, своеобразная мини-книга, в которой великолепный графический ансамбль иллюстраций к роману занял центральное место, и ситуация зеркально изменилась: теперь иллюстрацией к гравюрам художника стали специально отобранные писателем фрагменты «Сказания».

Собранные воедино, два десятка иллюстраций сразу делают бесспорной и выявляют самостоятельную ценность и целостность этой большой художественной работы В. В. Бердышева.

В чем же причина такой органической цельности? Прежде всего, на наш взгляд, в художественной найденности Образа Книги:

образа монументально-эпического Времени, возникающего из тьмы столетий,

образа великого Поединка рыцаря добра и света Довмонта с силами зла,

образа легендарных средневековых сражений и тайных бесед католических монахов,

образа тревожного колокольного звона, плывущего над городом, и великого плача по убитым,

образа народа псковского, женщин и детей, стариков и ратников,

образа слепого Бояна, великого Свидетеля и Сказителя, с которого начинается серия, и дело которого решаются продолжить два наших современника, писатель и художник.

И весь этот разнородный и многоплановый изобразительный ряд объединяется Образом прекрасного Пскова:

«Вот. Это град наш. Великий Псков... Все. Все до единого, включая самого Довмонта, замерли, глядя с высокого обрывистого берега Великой на открывшуюся их взору не виданную доселе красоту...»

Образ Времени возникает из точно и трудно найденной фактуры; графические листы построены многослойно и подобны старинному рукописному свитку, иллюминированному кодексу

(от латинского – книга), как в древности называли рукописи, украшенные рисунками.

Главная художественная ассоциация идет опять от русского Бояна и пушкинского Пимена, который уже не на поле битвы, а в своей скромной монашеской келье ищет Правду истории:

«Еще одно, последнее сказанье –
И летопись окончена моя,
Исполнен долг, завещанный от Бога
Мне, грешному»⁷.

И современный зритель, во след художнику, словно находит и медленно разворачивает этот старинный, покрытый пылью веков, измятый и пожелтый свиток.

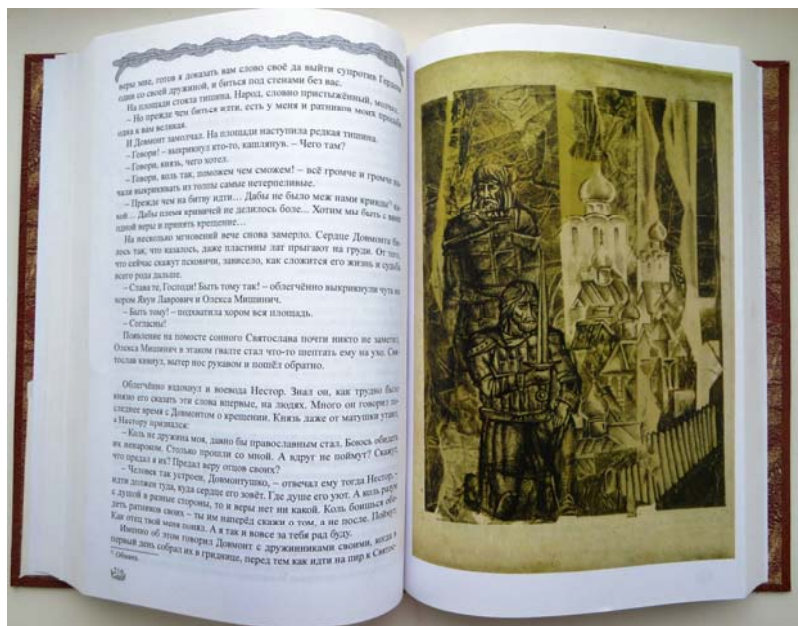
«Когда для смертного умолкнет шумный день,
<...>
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный разворачивает свиток...»⁸

Каждый лист иллюстрации к роману своеобразен, от темы до настроения, но общность серии придает именно эта графическая музыка, в которой есть общие образные ноты и великого русского эпоса – «Слова о полку Игореве», и создававшейся в грозные времена Довмонта Радзивилловской летописи, и образов родной старины у А. С. Пушкина и В. А. Фаворского.

Ключевыми в серии могут служить такие сложно и мощно выполненные листы, как «Клятва Пскову», «Раковорская битва», «Тревожный колокольный звон», «Молитва Довмонта», «Поединок», «Это град наш. Великий Псков». (Названия работ условны и соотносятся не только с конкретной страницей текста романа, но со всем его словесно-образным ассоциативным рядом.)

⁷ Пушкин А. С. Борис Годунов, 1825.

⁸ Он же. Воспоминание, 1828.

Роман Т. Рахманина и иллюстрации В. Бердышева зачастую взаимодействуют по принципу контраста. Живой, почти бытовой, очень эмоциональный, наполненный диалогами текст писателя создает ощущение легкости речи, в которую удачно вкраплены местные частушки, прибаутки и смертные причитания; сюжетная линия, в которой переплетаются десятки судеб, историй героев – от детей до стариков, от монахов до католических рыцарей, изобилует массовыми сценами битв, пожаров, поединков и походов. Тем важнее «тихие» сцены романа, производящие сильнейшее впечатление на зрителя. К таковым, безусловно, на наш взгляд, относится «Молитва Довмонта»⁹.

«Сколько времени он молился, князь не помнил. Но как только коснулся коленями каменного пола, то словно провалился в мир иной. Не падал. Наоборот! Взмыл в небеса. Закружило. Завертело. Понесло. Синее небо, высь, бесконечность. Где-то

⁹ Рахманин Тимофей. Сказание о забытом князе. «Не терпя обидим быти»: ист. роман. Т. 3. Пустошка: Пустошк. тип., 2016. С. 323-324.

там, далеко над головой, надо всю эту прозрачную синеву, снова тёмное небо. И чем выше, тем оно темнее. Он летит туда. А когда небо стало совсем чёрным, Довмонт почувствовал его липкую, вязкую прохладу и... Казалось, эта темнота была чем-то живым и обволакивала его... Неожиданно со страшным грохотом всё вокруг разверзлось ударами тысячи молний! Ослепляя. Обжигая. В один миг вспыхнуло и исчезло... Довмонт на мгновение ослеп и полетел кувырком вниз. В бездну. Но сколько не падал, а земли не было. Он стал цепляться руками за воздух и... Чем сильнее пытался делать это, тем медленнее падал. Наконец остановился. Почувствовал под ногами твердь. Встал. А твердь – это пустота. Под ногами всё та же бездна. Огляделся. Вокруг идёт страшная битва! Чудовища, змеи, уродливые великаны, двуглавые птицы, псы с железными зубами, ползучие твари да черти с трезубцами – кто с кем бьётся, не понять. Но повсюду кровь. Красная, синяя, черная. Стоны, раздирающие душу вопли, крики. Повсюду: сверху, снизу, вокруг творится жуткое безумство, но вдруг... Наступает полная тишина. Довмонт невольно начинает слышать даже шорохи их извивающихся железных чешуйчатых тел. Все твари, какое-то время смотря на него. Глаза их горят диким огнём удивления и дьявольской радостью предвкушения. Они бросают биться меж собой и потихоньку, не сводя с него жадных безумных глаз, облизывая кровавые пасти и загадочно улыбаясь, все, как замороженные, начинают идти, ползти, подкрадываться к князю, словно боясь, что он сейчас может исчезнуть. Приближаются осторожно, медленно переставляя лапы и передвигая свои ползучие тела, но... Приближаются, словно наперегонки. Кажется, сделай хоть один из них сейчас резкое движение, и они все кинутся разом, пытаясь опередить друг друга... Довмонт сделал шаг назад и... Неожиданно упёрся во что-то спиной. Оглянулся. Нет! Они смотрят не на него! На сияющий крест, стоящий за спиной князя. Биение сердца готово разорвать грудь, Довмонт знает: он должен защитить этот крест! Хватается за бок – меча нет! Вся нечистая, сверкая глазами и скаля довольно зубы, видя беспомощность его, продолжает, ликуя, медленно приближаться. Вдруг... Неожиданно даже для самого Довмонта, но такое долгожданное, вспыхива-

ет яркое сияние света! Ослепляет! Обжигает всех! Вся дьявольская сила с криками и воплями отскакивает назад. Пред князем предстаёт витязь в золотом доспехе и, не говоря ни слова, протягивает меч. А слов и не надо. Довмонт почему-то знает, что это князь Всеволод-Гавриил... Рядом с ним – монахиня. Тётушка, святая Евпраксия! Господи! Как похожа на матушку! И вдруг она говорит её голосом: "Не бойся ничего, сынок. Бейся! Ибо никто за тебя того не сделает. А мы помолимся за тебя...". Снова свет. Они исчезают. Князь стоит один, окружённый чёрной дьявольской силой. Но страха в сердце нет.
<...>»

Гравюра В. Бердышева «Молитва Довмонта» возникает как великолепная визуальная параллель этому сильному описанию. Ассоциативные образы памяти наплывают, сменяя и не вытесняя окончательно друг друга, образуют сложный синкопированный¹⁰ ритм гравюры. Художник отваживается даже на более глубокое обобщение, чем писатель, переосмысляя этот замечательный текст в монументально-эпическом ключе, в Образе Содраспания.

Здесь квинтэссенция стиля иллюстраций, они едины и вместе с тем не похожи друг на друга; они спаяны с текстом, но не буквально привязаны к странице, ибо передают не букву, но дух книги.

Тема князя Довмонта и грозных лет, когда он правил в Пскове, хорошо передана в гравюрах и через аскетический колорит: черно-белый цвет работ с фоновой охрой очень созвучен псковской архитектуре.

Большой удачей В. Бердышева можно считать и выбор сложнейшей техники этого замечательного графического ансамбля. Предоставим слово художнику: «Работа над иллюстрациями к книге началась 3 года назад ... Всего здесь 19 иллюстраций, из них два живописных холста, остальное – графика. Техника здесь – это *монотипия*, гравюра на картоне, *коллаж*. А затем шло *рисование пером, тушью*. Это такая *многослойная графика*, складывающаяся каждый раз уникально, с неповторимой фактурой. Как передать ощущение глубокой древности? Для меня – это образ и фактура камня, дерева. Но как можно передать фактуру камня, дерева? Она же случайна, ее рукой не нарисуешь. Нужно передать именно случайности, мимолетности, ведь там же ни одна линия не повторяется, всегда в одном, единичном экземпляре.

Но прежде всего надо искать правду, образ, идти, в первую очередь, от эмоционального восприятия».

Образ Богатырской симфонии в слове и графике во славу наших замечательных предков, во славу великого вольного стольного града Пскова и его любимейшего князя Довмонта,

¹⁰ Синкопированный ритм – ритм сложный, смещенный, налагающийся.

настоящего героя, рыцаря без страха и упрёка, создали два наших талантливых современника: писатель – Анатолий Михайлович Рахматуллин (Тимофей Рахманин) и художник – Владимир Валентинович Бердышев. Два автора, художник слова и мастер графики, как бы «припомнили и оживили», каждый по-своему, дух сурового, трагического времени и «нашли», живописали его героев, углубили и дополнили друг друга, создав единый Образ Книги.

Это художественное событие переросло уровень местного значения, как давно и мощно в памяти народной перерос его местночтимый князь Довмонт, великий защитник Пскова и всей земли Русской.